

Салтыков-Щедрин Мих.
Евграфович

27.01.2001

Известия - 2001 - 24 Января

Письма к тетеньке

Салтыкову-Щедрину – 175. А все как новенький!

Как по-прежнему исправно доходят до нас щедринские письма, как они своевременны и насущно необходимы!

Андрей ТУРКОВ

«...Ежели я желаю переписываться с родственниками, то должен писать так, чтобы мои письма заслуживали вручения», — иронически писал Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин после запрещения цензурой одного очерка из сатирического цикла «Письма к тетеньке» (под последней разумелась отечественная интеллигенция). Иного рода затруднения беспокоили его при мысли о том приеме, который встретят его «письма»-сочинения у далеких грядущих «родственников» - потомков. «Уже современники читают его не иначе, как угадывая смысл и цель его писаний, и комментируют и то и другое каждый по-своему, — говорит он, имея в виду горестную необходимость прибегать из-за цензуры к туманному «эзопову» языку, иносказаниям, намекам, — детям же и внукам и подавно без комментариев шагу ступить будет нельзя. Все в этих писаниях будет им казаться невозможным и неестественным, да и самый быт писателя представится человеком назойливым и без нужды неясным... вот странный человек! всю жизнь описывал чепуху да еще предлагает нам читать свои сочинения... с комментариями!»

Он даже называл себя «летописцем минуты», которой суждено будет безвозвратно кануть в прошлое, и вряд ли предполагал,

что в действительности очень многое из сатирически запечатленного им будет живехонько десятки лет спустя, а порой даже примет такой размах, что станет соперничать с самыми смелыми его гротесками.

Маниакальная деятельность «мрачного идиота» Угрюм-Бурчева, превратившего вверенный ему город Глухов в огромную казарму, как будто напорошила появление в XX веке зловеще-бесчеловечных тоталитарных режимов. Однако можно ли было предвидеть такое, что один из новоявленных «градоначальников», совершая свои разрушительные подвиги, станет при этом в своих речах время от времени одобрительно цитировать... автора «Истории одного города» да еще поручит своим сподвижникам уверять с самых высоких трибун, будто «нам нужны Гоголи и Щедрины!» Впрочем, известная эпиграмма 50-х справедливо уточняет: «Мы — за смех! Но нам нужны/ Подобрес Щедрины/ И такие Гоголи./ Чтобы нас не трогали».

И в самом деле, насчет особых симпатий к великому сатирику пожди только шутки шутили — то ли из лицемерия, достойного другого щедринского персонажа, Иудушки Головлева, то ли просто по причине своей довольно скромной начитанности. Александр Твардовский, бывший действительным наследником великого писателя как в творчестве (вспомним «Теркина на том све-

те!»), так и в своей редакторской деятельности (он, кстати, лишился своего любимого журнального детища — «Нового мира», как и Щедрин, чьи «Отечественные записки» были закрыты по решению чести царских министров), был прав, когда однажды занес в дневник: «Сегодня заглянул в Щедрину — не дай бог им почитать там все подряд».

И правда, каково было бы, например, деятелям так называемой номенклатуры, отважно бранившимся руководить чем бог пошлет (то бишь партия послала) узник себя в «господах ташкентцах», которые тоже «не задумывались ни перед какой профессией!» Разве не такой же суший ташкентец П.Н. Демичев — «...и притом готовый взяться за любое дело, хотя толком не умеющий справиться ни с одним. На моей памяти он возглавлял МК КПСС, был секретарем ЦК, отвечающим за химизацию народного хозяйства, а затем за идеологию, и, наконец, стал министром культуры. Андропов мне рассказывал, что после смерти маршала Малиновского Шелепин пытался продвинуть Демичева на пост министра обороны» (Г.А. Арбатов «Затянувшееся видение» (1953—1985). Свидетельство очевидца». М., 1991).

Да и сегодня, заглянув в книги Щедрина, и наши политики, и наша так называемая деловая элита, и нынешняя «тетенька»-интеллигенция не раз обнаружат перед собой некое удивительное неподкупное зеркало, где отражаются не только уже совершен-

ные ими поступки, но и те, что они пока еще только вождедеют совершить. «Под неумолкаемый, отовсюду несущийся звон колоколов (право, кажется, это написано не сто с лишком лет назад в щедринском «Дневнике провинциала в Петербурге», а только что и под аккомпанемент будничных телесюжетов! — А.Т.) как-то легко пишутся проекты, в которых реформаторские затеи счастливым образом сочетаются... с тем благосклонным отношением к жульничеству, которое доказывает, что жульничество — сила и что с этой силой необходимо считаться».

Очерк под недвусмысленным названием «Хищники» предварен саркастическим эпитафием: «Пою похвалу силе и презрению к слабости». Но вся мощь щедринского таланта и здесь, и в других произведениях направлена на развенчание вышеназванной «силы».

В «Убежище Монрепо» рассказчик даже признается: «Не знаю, как кому, а на мой взгляд, ежели, по обстоятельствам, нет другого выбора, как или быть «рохлей», или быть «кровопивцем», то я все-таки роль «рохли» нахожу более приличною». И множество страниц великого писателя пронизаны острейшей болью за этих многомиллионных «рохлей», волей истории постоянно попадающих из огня да в полымя. «Бойки вы очень, — говорится в цикле очерков «Круглый год» по адресу новоиспеченных чиновников-дельцов. — Мечетесь, скачете, куски ловите — сколько вы народу передадите!».

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин — человек, который гордо шел в храм славы

«Я — маленький человек, — жалуется в очерке «Дети Москвы» один из «раздавленных» хитроумными метаморфозами рубля, который уже больше «на полтинник смахивает», — но если мне суждено с каждым днем все больше и больше сокращать мою порцию, то я хочу, по крайней мере, знать, ради чего наслано на меня это насильственное сокращение и как называется та бездна, которая притягивает к себе все соки и ничего назад

не отдает?» А одна «тетенька», точнее говоря, — рассказчик в очерке «Дворянская хандра» меланхолически вспоминает о том, как еще недавно «пламенел... идеей гласности и устности (это была тогдашняя всеобщая панacea)»: «Что было потом — лучше не вспоминать. Скажу одно: человеку, который гордо шел в храм славы и, вместо того, попал в хлев, — и тому едва ли пришлось испытать столько горя».